Староста очень наслаждалась их походом по магазинам, наблюдая, как юная Мауд реагирует на новизну всего происходящего. Через пару часов и староста, и Мауд держали в обеих руках пакеты и сумки, наполненные зельями, учебниками, школьными мантиями, как повседневными, так и официальными, перьями, чернилами и пергаментом - словом, всем, что могло понадобиться юной ведьме. Кроме одного пункта - самого главного.

- Я приберегла лучшую часть путешествия напоследок, - сказала староста. Мауд задалась вопросом, что могло бы превзойти опыт, который был самым счастливым в ее жизни.

-Я имею в виду, конечно, покупку волшебной палочки. И вот мы у Олливандера.

Староста провела мод в лавку. Они прибыли как раз в тот момент, когда владелец магазина начал разбираться с другим покупателем, мальчиком примерно того же возраста, что и Мауд. Мальчик был в компании своих родителей и младшей девочки, которая еще несколько лет не поступит в Хогвартс.

- Твой отец купил у меня волшебную палочку, когда учился в Хогвартсе, - сказал Олливандер юноше. - Дуб с сердцевиной из волос Вейлы, не так ли?- спросил Олливандер.

- Именно, - сказал отец, и на его румяном дружелюбном лице отразилась радость оттого, что Олливандер будет помнить его после стольких лет.

- Я никогда не забываю палочку, - сказал Олливандер. - Давай начнем с дубовых и посмотрим, пойдешь ли ты в отца. - через несколько минут выбор мальчика был сделан: дуб, как и у его отца, но с довольно необычной сердцевиной, сделанной из корня мандрагоры.

- Ты так быстро выбрал, - сказала мать сыну.

- Это волшебная палочка выбирает волшебника, а не наоборот, - сказал Олливандер, который произносил эту фразу почти ежедневно. Родители заплатили требуемую цену, не придираясь, и ушли, родители остались глухи к мольбам дочери, чтобы ей тоже дали волшебную палочку. Олливандер улыбнулся, когда за семьей закрылась дверь, и повернулся к Мауд.

- Надеюсь, ты у меня сегодня последняя, - сказал старик. - Я был очень занят. Может, мне стоит нанять себе помощника? А теперь давайте начнем. - мастер волшебных палочек оглядел девочку, его опытный глаз оценивающе посмотрел на нее. Родителей не было видно, а сопровождавшая девушку не была родственником. Магглорожденная, очевидно, и ее родители либо слишком напуганы, либо считают себя непригодными для того, чтобы быть допущенными в волшебную область. Девочка нервничала, но не была напугана, ее почти отчаянное рвение выдавали выражение ее лица, ее голос, ее манеры. Но под этим рвением скрывалось нечто совершенно иное. Девушка напомнила Олливандеру "Горбин и Беркс" - внешне вполне невинная, но наполненная вещами, которые лучше не показывать.

Олливандер выбрал палочку более или менее наугад и протянул ей. Девушка взяла его маленькой цепкой рукой.

- Молодая ведьма со зловещей палочкой, - заметил Олливандер, когда еще один маленький кусочек головоломки встал на свое место.

- Что? - спросила Мауд, ничего не понимая и тут же вспомнив о хороших манерах. - Простите? Я не понимаю.

- Старое выражение, - пояснил Олливандер. - Это просто означает, что ты левша. Ну, и как она

себя чувствует?

Мауд не могла ответить на этот вопрос. Она не знала, что должна "чувствовать" волшебная палочка. Большинство молодых магов имели хоть какой-то опыт обращения с волшебными палочками, возможно, взяв одну из них, принадлежащую брату или матери. Не то чтобы им позволяли это делать, но мало кто из молодых волшебников или ведьм мог устоять перед искушением. Но настоящая палочка, та, что выбрала их, будет чувствовать себя несколько иначе, чем та, что принадлежит другому. Разница в чувствах сразу бросалась в глаза, но Мауд, никогда прежде не державшая в руках волшебной палочки, не имела оснований для сравнения и ничем не могла помочь Олливандеру.

- Похоже, это не то, - сказал Олливандер. - Давай попробуем что-нибудь другое. - Олливандер подошел к ивовой секции и вытащил оттуда коробку, в которой лежала волшебная палочка с сердцевиной из перьев гиппогрифа-действительно веселая комбинация, превосходная для работы с заклинаниями. Олливандер с любопытством наблюдал, как Мауд взяла в руки волшебную палочку. Она безразлично помахала ей несколько раз, а потом палочка выскользнула у нее из рук. По крайней мере, так это представлялось Мауд.

Через некоторое время Олливандер принес Мауд несколько волшебных палочек. Он быстро определил, что мягкая древесина не подходит, и поэтому сосредоточился на более твердых, менее гибких моделях. Но по мере того, как он перебирал свой инвентарь, палочка за палочкой отвергали Мауд, независимо от дерева или сердцевины. Прошло девяносто минут, и десятки коробок лежали беспорядочной кучей на полу, пока Олливандер и Мауд пробовали палочку за палочкой. Тревожные мысли, которые Олливандер подавлял с того момента, как встретил Мауд, терзали его с возрастающей настойчивостью, как капля из крана в ночи, когда ее уже нельзя было игнорировать. Сопротивление старика было сломлено, и он сделал то, что его разум приказывал ему сделать в течение последнего часа.

- Кажется, я знаю, что может подойти, - сказал Олливандер. С этими словами он оставил Мауд и слизеринского старосту у входа в магазин и снова исчез в своей кладовой. Его память была поистине поразительной, когда дело касалось волшебных палочек, но даже ему было трудно найти что-то, что он сделал тридцать лет назад, и сделав это, не думал об этом с тех пор. Он передвигал ящики туда и сюда, углубляясь в области, которые не исследовал уже много лет. Через некоторое время он вышел из кладовой и подошел к Мауд.

- Попробуй вот это.

Мауд покорно приняла предложенную палочку. Она была еще более измучена, чем Олливандер, и к тому же расстроена и скучала. Но все это исчезло в тот момент, когда ее рука схватила палочку. В отличие от всех других палочек, которые она держала в руках в тот день, эта была самой черной, такой темной и чистой, что, казалось, не отражала никакого света. Дрожь энергии пробежала от кончиков ее пальцев к сердцу и в голову, когда она подняла палочку на уровень глаз. Казалось, палочка почти приказала ей воспользоваться ей. Мауд послушно взмахнула рукой, не думая ни о чем конкретном. Темно-зеленые искры полетели из ее палочки, и Олливандер пригнулся, закинув руки за голову - бесполезный жест против магии любого рода.

- Осторожно! - сказала староста, пожимая руку Мауд. - Я не знаю, что это было, но выглядело довольно противно. - так оно и было, напоминая младшую облегченную версию смертоносного проклятия.

- Черное дерево с сердцевиной, сделанной из спинного мозга человека, подвергнутого поцелую

дементора, - сказал Олливандер тихим, спокойным голосом. - Я только одну такую продал.

- Борода Мерлина! - староста отступила на шаг, услышав слова Олливандера, и теперь сожалела, что вызвалась сопровождать почти магглорожденную Мауд в Косой переулок.

- Что случилось? - спросила Мауд. Ее озадаченная реакция была совершенно непритязательной, порожденной ее незнанием волшебного мира.

- Палочка, которую ты держишь и которая выбрала тебя, не совсем уникальна, но чрезвычайно редка. Я сделал только одну из таких раньше, и ведьма, которая купила ее, теперь находится в Азкабане. Ты, наверное, и не слышала о ней. Ее зовут Лестрейндж. Белла...

- Кузина Беллатриса! - сказала Мауд. - Моя мама как-то упоминала о ней.

- Ну да, вот и все, - сказал Олливандер. - Очевидно, ты достаточно честно отдаешь предпочтение своей палочке.

Олливандер вытер пот со лба, ошеломленный увиденным. Он взял у старосты деньги за покупку (немалую сумму, учитывая редкость волшебной палочки), а затем передал монеты Мауд.

- Подарок, юная леди, - сказал Олливандер, надеясь выслужиться, и, судя по ослепительной улыбке девушки, ему это удалось. Олливандер очень на это надеялся. Палочки были лучшим судьей характера, который он знал. Та, что выбрала Мауд, была хороша для любой магии, но для темных дел, для жестокости всех видов, ничто не было лучше. Он поклонился Мауд и ее провожатому, вышел из лавки и, склонившись над вывеской в витрине, объявил всем, что теперь он закрыт. Он закрыл и запер двери как физически, так и магически, его руки заметно дрожали при этом.

http://tl.rulate.ru/book/43789/1072578